

Мировоззрение шляхты Речи Посполитой в сравнении со служилым людом Московской Руси.

В представляемом докладе автором предпринимается попытка реконструировать мировоззрение шляхтича Польско-Литовского государства в его служении «ojczyźnie» на материале дневников Московских походов Стефана Батория¹ и отражение в современных походах исторических текстах². А также сопоставить полученные выводы с выводами Б. Н. Флори из его статьи «О приговоре первого ополчения»³ и выявить сходства и различия в мировоззрении военных сословий обоих государств на момент конца XVI – начала XVII веков.

Время Московских походов Стефана Батория в качестве хронологических рамок, при изучении шляхетского мировоззрения, было выбрано нами неслучайно. Когда идет речь о шляхте Польско-Литовского государства всегда необходимо помнить о том, что эта социальная группа никогда не была единой, а так или иначе всегда делилась по конфессиональному, территориальному, имущественному и другим признакам в разных вариациях. Чего стоит хотя упомянуть тот факт, что в отличие от аристократий других европейских государств гербы Польско-Литовского государства представляли собой не семьи в привычном понимании, а скорее кланы, в которые могли входить представители совершенно разных семейств, зачастую из совершенно разных регионов. Но именно походы Стефана Батория явились тем цементирующим основанием, когда шляхта всей Речи Посполитой выступила в едином фарватере. Как уже было указано в историографии именно Московские походы стали общим военным предприятием Польско-Литовского государства⁴, а не отдельных ее частей, как ранние войны с Москвой, которые были практически всегда прерогативой одного лишь Литовского княжества⁵.

---

¹ Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / Вступ. ст. и коммент. д. и. н. проф. А. А. Михайлова; Биограф. очерк И. Ф. Левина. - Псков, 2005. – 504 с.;

² *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1889. – 421 с.; *Мартинелли А.* История взятия Полоцка Польским королем Стефаном Баторием в 1579 году / Предисловие и перевод И. В. Дубровского // Русский сборник: Исследования по истории России. Том XXI. М.: Изд-ль Модест Колеров, 2017 – С. 7–101.; *Стрыйковский М.* Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси / Пер. Погодин Р. П., Игнатъев С. / Варшава, 1846. – 1213 с.; *Bielskij M.* Kronika Polska Marcina Bielskiego / Wyd. K. Turowskiego. Sanok, 1856 – 1786 с.;

³ *Флоря Б. Н.* О приговоре первого ополчения // Исторические записка / Отд-ние ист.-филол. наук РАН – М.: Наука, 1937. – Вып. 8 (126) / отв. Ред. Б. В. Ананьич. – 2005 – С. 85–115;

⁴ *Филошкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков / А. И. Филошкин. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. – С. 489–491;

⁵ *Plewczyński M.* Wojny i wojskość polska XVI wieku T II Lata 1500 – 1548. – Oświęcim: Wydawnictwo Napoleon V, 2017. – S.173 – 193;

Прежде всего в докладе отводится внимание используемым источникам, которые позволяют нам запечатлеть внутренний мир и переживания шляхты во время походов (дневники), а также отражение образа и роли шляхты в ретроспективном и рефлексивном взгляде (исторический нарратив). Что касается используемых нами дневников, то следует в первую очередь отметить, что нами были изучены не просто дневники, а именно диариуши⁶. Как и обычные дневники они ведутся по дням, с каждодневной записью если это возможно. Если же невозможно, то тогда авторы в освободившееся время по памяти стараются ретроспективно восстановить ход событий, что сближает их в некоторой степени с мемуарами. Но, пожалуй, самая главная особенность диариушей – это их изначально публичный характер. Предполагается, что диариуш зачитывается в кругу семьи, родственников и соратников, чтобы ознакомиться их с жизнью и подвигами составившего их шляхтича-члена семейства. Но не менее важно, что составляется он изначально из писем, которые шляхтич, пишущий диариуш отправляет своим патронам и заинтересованным лицам⁷.

В центре нашего внимания находятся диариуши трех авторов⁸: Гнезненского кастеляна Яна Зборовского, Ковальского и Бродницкого старосты Луки Дзялынського и Станислава Пиотровского. В первую очередь стоит отметить, что все три автора безусловно относятся к шляхетскому сословию, пожалуй один лишь Зборовский выделяется своим магнатским положением, но этот факт ни сколько не мешает, поскольку он также как и Дзялынський и Стрыйковский был включен в патрон-клиентские отношения в рамках политической карты Речи Посполитой, а значит его дневник так же отражает мнения шляхты.

Что касается источников исторического нарратива нами привлекались хроники М. Стрыйковского⁹, М. Бельского¹⁰, «Записки о Московской войне» Р. Гейденштейна¹¹ и труд Мартинелли¹². Важно отметить, что только один Мартинелли из всех перечисленных авторов был непосредственно в лагере

---

⁶ Филлюшкин А. И. Указ. соч. С. 525–526;

⁷ Tygielski W. Politics of Patronage in renaissance Poland. Chancellor Jan Zamoyski, His supporters and the political map of Poland, 1572-1605. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1990.;

⁸ Осада Пскова глазами иностранцев: Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.);

⁹ Стрыйковский М. Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси / Пер. Погодин Р. П., Игнатьев С. / Варшава, 1846. – 1213 с.;

¹⁰ Bielskij M. Kronika Polska Marcina Bielskiego / Wyd. K. Turowskiego. Sanok, 1856 – 1786 с.;

¹¹ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1889. – 421 с.;

¹² Мартинелли А. История взятия Полоцка Польским королем Стефаном Баторием в 1579 году / Предисловие и перевод И. В. Дубровского // Русский сборник: Исследования по истории России. Том XXI. М.: Изд-ль Модест Колеров, 2017 – С. 7–101.;

Батория и видел все события собственными глазами, остальные же, кроме Гейденштейна, который находился скорее всего в Вильне, находились максимально далеко от места боевых действий. Учитывая вышесказанное в этом историческом нарративе, мы найдем скорее именно рефлексию событий в особой оптике каждого из авторов, чем детально и точно описанный ход событий походов Стефана Батория. Самим текстам в историографии посвящен широкий круг литературы, часть из которой мы приводим здесь¹³, а о самих текстах более подробно будет сказано непосредственно во время доклада.

Необходимо так же подчеркнуть контекст и те особенности шляхетской политической культуры в рамках которой мы работаем с приведенными текстами. Этим проблемам посвящен широкий круг литературы, на основе которой следует выделить те основы, которые легли в основу наших рассуждений в рамках доклада. В первую очередь стоит отметить шляхетский статус в его качестве особого политического народа, обладающего правами, главным из которых является право участия в жизни государства¹⁴. Государство же в свою очередь представляло собой особую республику, в которой власть короля и шляхты находится подвижном балансе¹⁵. Само государственное устройство и правовое положение шляхты артикулируется особым понятийно-категориальным аппаратом¹⁶, центральной частью, которого является понятие «Rzeczpospolita», которое Э. Опалиньский раскрыл в особую понятийную триаду «государство – станы сейма – совокупность шляхты», где все элементы равнозначны по своей сути. Причем это понятие лишь отчасти синонимично понятию «Ojczyzna», которое также можно раскрыть в виде триады, однако уже иерархичной: всё Польско-Литовское государство – земли только Королевства Польского или Великого княжества Литовского – «малая родина» шляхтича в рамках поветов или даже отдельных

---

¹³ Карнаухов Д. В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения: монография / Новосибир. гос. пед. ун-т; науч. ред. К.Б. Умбрашко.: Новосибирск: Издательство НГПУ, 2010. - 292 с.; Карнаухов Д. В. Польская историческая книга как феномен интеллектуальной культуры эпохи Возрождения // Библиосфера. - 2013. - № 3. - С. 49–58; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. – М.: Изд-во «Наука», 1966. 310 с.; Кавалёв С. Шматкоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. – Мінск : «Кнігазбор», 2012. – 376 с.; *Chrzanowski I.* Marcin Bielski studyum literackie. – Warszawa: Sk. g. w ksieg. E. Wende, 1906. – 280 s.;

¹⁴ *Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1978.;

¹⁵ *Слива М.* Польская демократия. Идеи – люди – события / пер. с польского В. Штокмана. М.: Политическая энциклопедия, 2014, С. 9–33;

¹⁶ *Opaliński E.* Kultura polityczna szlachty polskiej w latach 1587-1652: system parlamentarny a społeczeństwo obywatelskie. – Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1995. – 347 s.; *Grześkowiak-Krwawicz A.* Dyskurs polityczny Rzeczypospolitej obolga narodów pojęcia i idee. – Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. – 451 s.; *Амброзьяк, Т.* Понятийный аппарат сеймиковых источников конца XVI — первой половины XVII века как проявление политической культуры шляхты Великого княжества Литовского / Т. Амброзьяк // Славяноведение. – 2016. – № 2. – С. 51–63.;

имений. Наконец стоит помнить о феномене «сарматизма»¹⁷, как особой культурно-идеологической основе мировоззрения аристократии Речи Посполитой. Именно сарматизм выступал той цементирующей основой для аристократии Польско-Литовского государства с его разным происхождением, вероисповеданием и социальным положением, формируя единое «сарматское» общество с общей культурой, искусством, а главное историческим мифом. И все эти признаки шляхетской политической культуры находили свое отражение на военном поприще¹⁸, как одном из главных занятий шляхты.

В результате же проведенного нами анализа источников удалось прийти к следующим выводам. Для шляхтича, который предстает перед нами посредством изучения дневников война в первую очередь должна быть справедливой, а начинать войну можно лишь в целях самообороны, либо восстановления ущемленной чести справедливости и чести. При этом война – это общее дело всей республики, чьи интересы выражает король в качестве лидера, которого поддерживает шляхта, что выражается в том, что объявление войны должно быть единогласно поддержано сеймом. Сама война не должна быть затяжной, чтобы шляхтич не терял связь с домом, в самом идеальном сценарии она должна проводиться в формате похода, в который отправляется рыцарь-шляхтич и стяжает славу как себе, так и всей республике.

Король при этом строго должен соответствовать идеалам шляхетства, чтобы считаться достойным лидером. Для шляхтича он должен быть, как образцом рыцарской доблести в бою, щедрости и благородства по отношению к подданным и великодушия по отношению к врагам. Хотя лидером, как в военном отношении, так и в моральном кроме короля могут выступать и другие сильные личности, перетягивая на себя часть идеалов, которыми обладает король. Особенно это заметно на материале дневников шляхты, не чуждой патрон-клиентским связям на примере фигуры канцлера Замойского.

Наконец, сам шляхтич, сражаясь за республиканские идеалы, следуя в бой за славным лидером и сам должен проявлять рыцарские героические качества. Причем как это видно из дневников, всячески возвышая свои качества или своего отряда, оттеняя чужие. Враг зачастую, представая даже в нецивилизованном и неблагородном виде так же не лишается доблести, ведь в лишь в битве с доблестным врагом шляхтич может приумножить свою честь.

---

¹⁷ Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М., 2002.; Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. I: Медиевализм и национальная идеология в Центрально-Восточной Европе и на Балканах / под ред. Д. Е. Алимова и А. И. Филюшкина. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2021. – С. 97–102; *Tazbir J.* Sarmatyzm a barok // *Kwartalnik Historyczny R.* 76 nr 4, 1969 – S. 815–830.;

¹⁸ *Osterrieder M.* Das wehrhafte Friedensreich: Bilder von Krieg und Frieden in Polen-Litauen (1505-1595). Wiesbaden: Reichert, 2005. – 330 s.;

Сама категория чести достаточно важна и во взаимодействии внутри войска. Само войско обладает своей «коллективной честью», а коль скоро войско – это своего рода сообщество шляхты, значит эта честь становится и честью всей республики, соответственно если приумножить или напротив нанести ущерб этой общей чести, то можно напрямую нанести ущерб республике. Поэтому в дневниках так много внимания уделяется судам между шляхтичами и прочим вопросам, связанным с честью.

Не менее важной категорией является вольность, тем не менее как показывает практика походов при необходимости она может быть ограничена при одобрении шляхты, как это случилось согласно военным артикулам Стефана Батория. При этом король не отнимал самого главного права – на отъезд шляхтича домой. Сам мотив дома в дневниках появляется очень часто, и чем дольше длится поход, тем сильнее проявляется тоска по оставленному поместью и осиротевшей земле, хотя при этом даже во время походов шляхтич не теряет связь с имением, и как показывают дневники Я. Зборовского и Л. Дзялынського, насколько возможно подробно ознакомлен с хозяйственным положением своего владения.

При обращении же к историческому нарративу нельзя сказать, что ситуация меняется коренным образом, скорее мы получаем взгляд со стороны, который зачастую отвечает идеологическим предубеждениям того или иного автора. Мы так же отмечаем мотивы благородства и героизма короля и его войска, оправдание походов с точки зрения общего блага и взгляд на шляхту, как на борцов за благо республики. Важно, что сама война начинает оправдываться с позиций борьбы с тиранией и бесчестьем, живым воплощением чего становится Московский князь Иван IV. Однако характеристика действий короля и шляхты в нарративе весьма рознится. Если М. Стрыйковский и И. Бельский относятся практически не предвзято, то Гейденштейн, будучи членом круга Замойского выступает с яркой критикой в адрес шляхты. Занимательно, что палемика ведется на основе одних и тех же категорий: вольности, королевской власти или республики.

Во всем вышесказанном мы видим некоторые сходства с мировоззрением московского служилого люда, которое представляет нам Б. Н. Флоря в своей статье. Прежде всего заслуживает внимания тот факт, что авторами приговора совокупность служилого люда отождествляется со «всей землей», что в свою очередь очень похоже на шляхетскую идею о политическом народе, который сам по себе и составляет Речь Посполитую. Программа политических преобразований Первого ополчения предполагала ограничить боярскую власть, создав общий совещательный орган, где должно

быть представлено все служилое сословие, выражало бы его политическую субъектность, как Польско-Литовский сейм – собрание шляхты и опять же олицетворение Речи Посполитой в качестве общего дела. Однако здесь обращает на себя внимание ярый антагонизм московского служилого люда по отношению к боярству, в приговоре они требовали провести редистрибуцию имущества не поддержавших ополчение бояр в пользу служилого люда, то есть фактически серьезно ослабить позиции старой аристократии, кроме тех ее представителей, которые считались напротив пострадавшими, а не предателями. Ничего подобного со стороны шляхты по отношению к магнатории мы не наблюдаем, напротив в данный период очень сильны патрон-клиентские связи, а в условиях походов, как времени относительных возможностей они еще больше усиливаются. Лояльное государству боярство должно было остаться в другой форме, ей так же отводилось почетное место в обществе, а главное делегировалась законодательная и судебная власть, при этом служилому люду гарантировался ряд прав, посредством вмешательства «всей земли», что по своему правовому статусу должно было приблизить к статусу шляхтича в Речи Посполитой.

В результате в центре внимания служилого люда становились вопросы гарантий жизни и имущества, в чем мы одновременно видим и сходство и различия с той картиной, которую мы увидели у шляхты. Для шляхтича эти вопросы не менее важны, они возникают и во время походов, но тем не менее у шляхтича в отличие от боярского сына эти гарантии и привилегии уже есть. Король не мог самовластным решением лишить шляхтича имущества или жизни, все это могло быть сделано лишь при согласии сейма. Более того как мы убедились шляхтич во время походов даже не терял полной связи со своим имуществом, за ним все еще оставалось право на отъезд домой, которое король не лишился потревожить. Московский же служилый люд эти вопросы волновали в высшей степени, именно эти гарантии должны были появиться согласно приговору, средством защиты которых стал бы Совет «всей земли», как орган представительства дворянства.